Трефилова Галина Михайловна, магистрант,
Алтайский государственный педагогический университет
Trefilova Galina Mikhaylovna, Master's student,
Altai State Pedagogical University

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДИКТОРОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
EMPIRICAL DATA OF THE STUDY OF PREDICTORS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN PRESCHOOL CHILDREN

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования предикторов эмоционального интеллекта (ЭИ) детей дошкольного возраста. Выборку составили 60 диад «мать – ребёнок» (дети 4–6 лет). Показано, что значимыми предикторами способности ребёнка учитывать эмоциональное состояние другого выступают эмоциональная саморегуляция матери и её стремление к телесному контакту с ребёнком; совместная модель объясняет 54,5 % дисперсии критериального показателя.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of predictors of emotional intelligence (EI) in preschool children. The sample included 60 mother–child dyads (children aged 4–6). It is shown that the significant predictors of a child's ability to take into account another person's emotional state are the mother's emotional self-regulation and her striving for bodily contact with the child; the joint model explains 54.5 % of the variance of the criterion indicator.

Ключевые слова: Эмоциональный интеллект, дошкольный возраст, родительский эмоциональный интеллект, детско-родительские отношения, телесный контакт, саморегуляция.

Keywords: Emotional intelligence, preschool age, parental emotional intelligence, child-parent relations, bodily contact, self-regulation.

Введение

Эмоциональный интеллект (ЭИ) в современной психологии рассматривается как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [7, с. 29–36]. Применительно к дошкольному возрасту ЭИ определяется как готовность ребёнка ориентироваться на другого человека, учитывать его эмоциональное состояние и на основе этих знаний регулировать отношения с ним [9, с. 46–51]. Семейная среда выступает ключевым фактором эмоционального развития: родители транслируют модели эмоционального реагирования, способы выражения чувств и стратегии совладания. Теоретический анализ проблемы показал, что за последние пять лет получили развитие вопросы связи ЭИ родителя с воспитательным стилем [2], стратегиями реагирования на негативные эмоции [3], социально-эмоциональной адаптацией детей [6] и ассертивным поведением [4]. Вместе с тем сохраняется дефицит эмпирических работ, одновременно оценивающих вклад родительского ЭИ и параметров эмоционального отношения к ребёнку в развитие ЭИ дошкольника, чем и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Организация и методы исследования

Эмпирическое исследование проведено на базе центра развития ребёнка – детского сада № 109 «Алёнушка» и Монтессори-сада «Дети Земли». Выборка – 60 диад «мать – ребёнок»: дети 4, 5 и 6 лет (31 девочка и 29 мальчиков). Распределение детей по возрасту представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Распределение выборки по возрасту (n = 60)

Как видно из рисунка 1, выборка неравномерна по возрасту: на шестилетних детей приходится почти половина всех участников (43,4 %), тогда как четырёх- и пятилетние распределены поровну (по 28,3 %). Такое соотношение создаёт предпосылку для учёта возрастного фактора при статистическом анализе: поскольку старшие дошкольники имеют больше социального опыта и лучше развитую регуляцию эмоций, возраст может выступать конкурирующим объяснением связей между родительскими и детскими показателями.

Для диагностики ЭИ детей использован комплекс методик М. А. Нгуен: «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций» (эмоциональная ориентация), «Три желания» (просоциальная направленность), «Что – почему – как» (эмоциональная децентрация и эмпатия). Каждая методика даёт от 0 до 6 баллов, интегральный показатель – от 0 до 18 баллов.

Для диагностики ЭИ родителей использован опросник ЭмИн Д. В. Люсина (5 субшкал и 4 сводные шкалы), для оценки эмоционального отношения матери к ребёнку – опросник ОДРЭВ Е. И. Захаровой (11 параметров). Полный перечень переменных и их роль в исследовании приведены в таблице 1.

Таблица 1

Переменные исследования и соответствующие методики

Блок переменных	Методика	Переменные	Роль в исследовании
ЭИ детей	«Дорисовывание»	Эмоциональная ориентация (0–6)	Зависимая (критериальная)
ЭИ детей	«Три желания»	Просоциальная направленность (0–6)	Зависимая (критериальная)
ЭИ детей	«Что – почему – как»	Эмоциональная децентрация (0–6)	Зависимая (критериальная)
ЭИ детей	Интегральный показатель	Общий ЭИ ребёнка (0–18)	Зависимая (критериальная)

ЭИ родителей	ЭмИн (Д. В. Люсин)	МП, МУ, ВП, ВУ, ВЭ; МЭИ, ВЭИ, ПЭ, УЭ, ОЭИ	Независимые (предикторы)
Отношение матери	ОДРЭВ (Е. И. Захарова)	11 параметров взаимодействия	Независимые (предикторы)

Статистическая обработка проводилась в среде JASP. Поскольку распределение ряда переменных отличалось от нормального (критерий Шапиро – Уилка, $p < 0,05$), основным инструментом корреляционного анализа выбран коэффициент ранговой корреляции Спирмена; для связей между шкалами ЭмИн и ОДРЭВ применялся коэффициент Пирсона. На третьем этапе выполнен иерархический регрессионный анализ. Работа выполнена в строгом соответствии с этическими нормами психологических исследований. От родителей получено информированное согласие, а все полученные эмпирические данные были агрегированы и обезличены.

Результаты исследования.

Средний уровень ЭИ детей по интегральному показателю составил 7,88 балла из 18 возможных (SD = 2,09). Это значение попадает в средний диапазон, но ближе к его нижней границе: при максимальных 18 баллах дети в среднем набирают менее половины. Иными словами, у обследованных дошкольников способность понимать и учитывать эмоции другого человека находится в стадии активного становления, а не является уже сформированной. Наибольшая выраженность наблюдается по шкале «Три желания», наименьшая – по шкале «Дорисовывание» (рисунок 2).

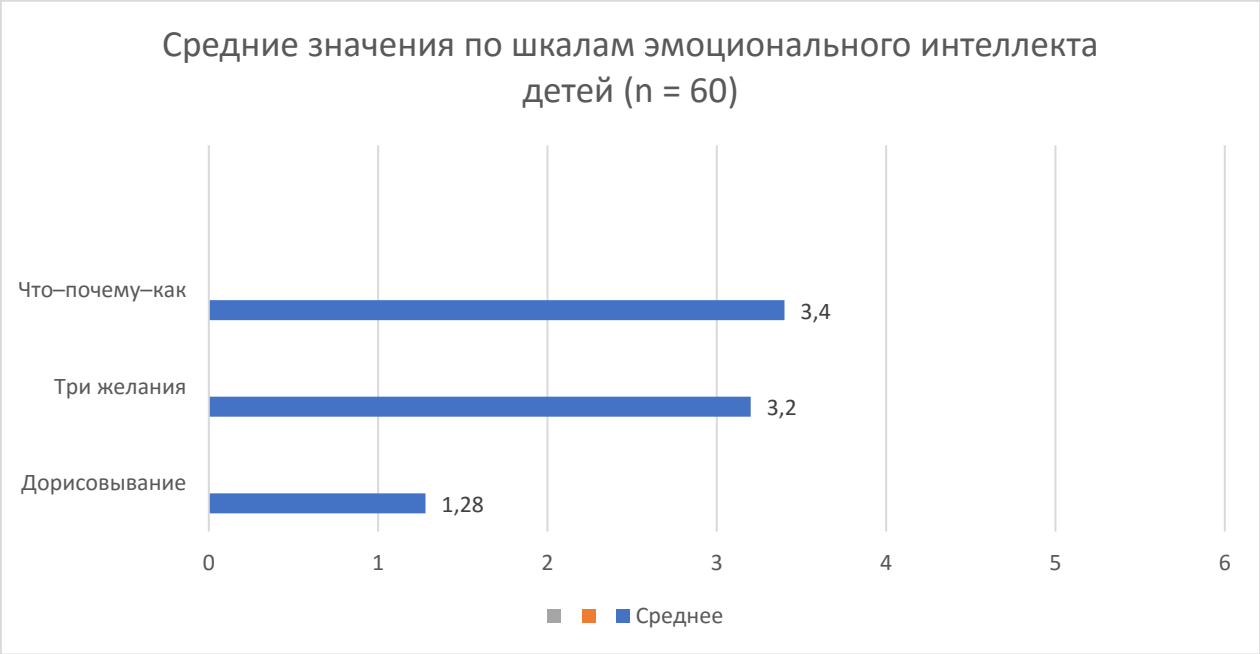

Рисунок 2. Средние значения по шкалам эмоционального интеллекта детей (n = 60)

Обратим внимание на содержательный смысл полученных значений. Шкала «Дорисовывание» отражает **эмоциональную ориентацию** ребёнка – на мир вещей, людей или эмоций. Средний балл 1,28 из 6 означает, что при дорисовывании фигур дети чаще изображают предметы или лица без выраженного эмоционального состояния, а не человека в движении или с эмоцией. Это говорит о том, что **предметный мир пока доминирует над эмоциональным** в восприятии дошкольника. Напротив, шкала «Что – почему – как» (M =

3,40) и «Три желания» (М = 3,20) показывают более высокие результаты: дети в среднем способны учитывать состояние другого и проявлять просоциальную направленность, когда ситуация задана взрослым и опирается на конкретный рассказ. Таким образом, у дошкольников **эмоциональная децентрация в готовом сюжете развита лучше, чем спонтанная эмоциональная ориентация в свободной изобразительной деятельности** – что согласуется с представлениями Л. С. Выготского о роли взрослого как носителя культурных эталонов эмоций.

Перейдем к интерпретации полученных результатов у родителей (матерей). По опроснику ЭмИн Д.В. Люсина у матерей различия между внутриличностным (ВЭИ = 45,35) и межличностным (МЭИ = 42,03) аспектами ЭИ минимальны – разница составляет около 3 баллов, что не достигает уровня статистической значимости. Это означает, что матери в среднем **одинаково оценивают свою способность понимать и управлять как собственными эмоциями, так и эмоциями других людей**. Такой баланс может свидетельствовать о достаточной эмоциональной зрелости выборки и отсутствии выраженного перекоса в сторону «внутреннего» или «внешнего» фокуса.

По опроснику ОДРЭВ Е.И. Захаровой наиболее выражены безусловное принятие (М = 4,35) и стремление к телесному контакту (М = 4,17), наименее – ориентация на состояние ребёнка (М = 2,93) и способность к сопереживанию (М = 3,01). Эти результаты заслуживают отдельного комментария. Матери склонны **к безусловному принятию ребёнка и стремлению к физической близости**, но при этом **реже ориентируются на его актуальное эмоциональное состояние и реже проявляют осознанное сопереживание**. Иными словами, эмоциональная связь с ребёнком выстраивается скорее через **принятие и телесный контакт**, чем через **рефлексию его переживаний**. Это может отражать как реальную поведенческую стратегию, так и эффект социальной желательности: принятие и телесный контакт легче «предъявить» в самоотчёте, чем способность к сопереживанию. Краткая сводка ключевых описательных статистик – в таблице 2.

Таблица 2

Ключевые описательные статистики (n = 60)

Переменная	M	SD	Min	Max
ЭИ детей				
«Дорисовывание»	1,28	0,90	0	4
«Три желания»	3,20	1,19	0	5
«Что – почему – как»	3,40	1,03	1	6
Интегральный показатель	7,88	2,09	3	13
ЭИ родителей (ЭмИн)				
ВУ (управление своими эмоциями)	14,02	2,68	9	19
МЭИ (межличностный ЭИ)	42,03	7,63	19	57
ВЭИ (внутриличностный ЭИ)	45,35	6,84	32	58
ОЭИ (общий ЭИ)	87,38	12,45	55	113
Отношение матери (ОДРЭВ)				
Способность воспринимать состояние	4,07	0,67	2,8	5
Понимание причин состояния	3,75	0,54	2,6	4,8
Способность к сопереживанию	3,01	0,52	1,6	4,4
Безусловное принятие	4,35	0,45	3	5
Стремление к телесному контакту	4,17	0,61	2,6	5
Ориентация на состояние ребёнка	2,93	0,53	1,2	4,2

Корреляционный анализ. Из десяти шкал ЭмИн статистически значимые положительные связи со шкалой «Что – почему – как» обнаружены по пяти шкалам (таблица 3). Наиболее тесная связь – между управлением своими эмоциями родителя и способностью ребёнка учитывать эмоциональное состояние другого.

Таблица 3

Значимые корреляции Спирмена между шкалами ЭмИн
и шкалой «Что – почему – как» (n = 60)

Шкала ЭмИн	ρ	p
ВУ (управление своими эмоциями)	0,368	0,004
УЭ (управление эмоциями)	0,363	0,004
МУ (управление чужими эмоциями)	0,304	0,018
ОЭИ (общий ЭИ)	0,291	0,024
ВЭИ (внутриличностный ЭИ)	0,282	0,029

Обратим внимание, что **все значимые связи относятся к компонентам управления эмоциями** – ВУ (управление своими), УЭ (управление эмоциями в целом), МУ (управление чужими). Компоненты **понимания** эмоций (МП, ВП, ПЭ) и **контроля экспрессии** (ВЭ) значимых связей не показали. Это означает, что способность ребёнка учитывать состояние другого связана не с тем, насколько хорошо мать **распознаёт** и **называет** эмоции, а с тем, насколько она **умеет ими управлять**. Содержательно это можно объяснить через механизм наблюдаемого научения: ребёнок видит, как взрослый справляется с собственными переживаниями, и постепенно усваивает эту модель как основу для собственной эмоциональной децентрации. Вербальные объяснения эмоций (понимание) при этом оказываются менее значимыми, чем поведенческая демонстрация саморегуляции.

Коэффициенты ρ в диапазоне 0,28–0,37 соответствуют **умеренной тесноте связи**. Это означает, что родительский ЭИ объясняет лишь часть вариативности детского показателя, а не определяет его полностью – что ожидаемо, поскольку на развитие ЭИ ребёнка влияют и другие факторы (темперамент, опыт общения со сверстниками, среда детского сада).

Из одиннадцати шкал ОДРЭВ значимой оказалась только связь с телесным контактом: ρ = 0,322; p = 0,012. Параметры безусловного принятия, эмпатии, восприятия состояния ребёнка и эмоциональной поддержки значимых связей на нулевом уровне корреляций не обнаружили. Это не означает, что они не важны для развития ребёнка вообще – но в данной выборке их связь именно с показателем «Что – почему – как» не подтвердилась. Возможные объяснения: ограниченная мощность выборки (n = 60), эффект социальной желательности (матери завышают эти показатели, что «смазывает» разброс), а также возрастная специфика – в дошкольном возрасте ребёнок может усваивать эмоциональную децентрацию скорее через **телесный опыт**, чем через вербализованное принятие.

Корреляционный анализ между шкалами ЭмИн и ОДРЭВ (коэффициент Пирсона, p < 0,001) выявил три «ядра» родительского отношения, связанных практически со всем спектром шкал ЭИ: эмоциональная поддержка, умение воздействовать на состояние ребёнка и отношение к себе как к родителю. Наиболее сильные связи представлены в таблице 4, а их схематичное расположение – на рисунке 3.

Таблица 4

Наиболее сильные связи между шкалами ЭмИн и ОДРЭВ (n = 60; p < 0,001)

ЭмИн	ОДРЭВ	r
МЭИ (межличностный ЭИ)	Эмоциональная поддержка	0,649
ОЭИ (общий ЭИ)	Умение воздействовать на состояние	0,616

МП (понимание чужих эмоций)	Эмоциональная поддержка	0,607
ПЭ (понимание эмоций)	Эмоциональная поддержка	0,569
МЭИ (межличностный ЭИ)	Умение воздействовать на состояние	0,550
ОЭИ (общий ЭИ)	Отношение к себе как к родителю	0,517

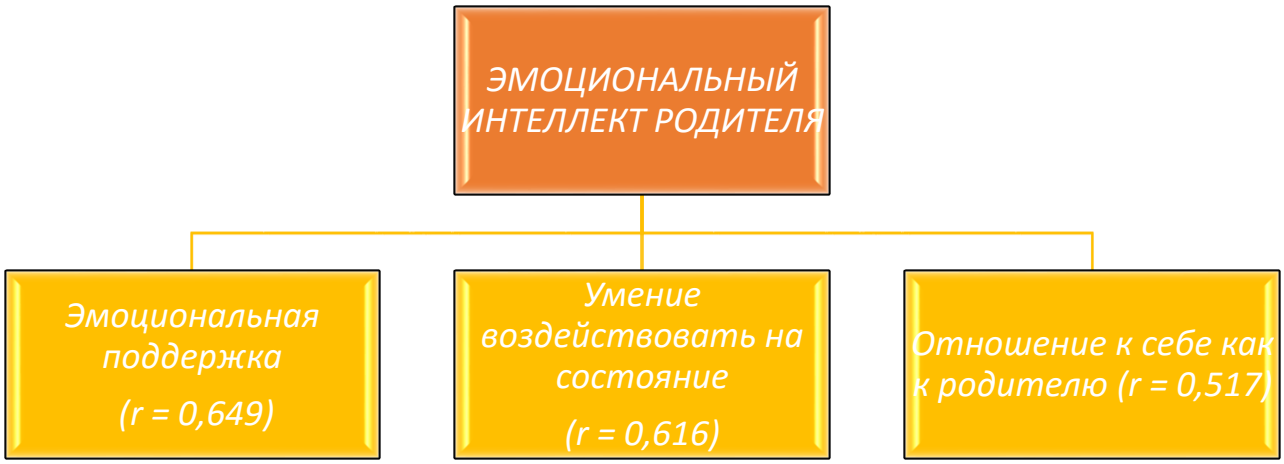

Рисунок 3. «Ядра» родительского отношения, наиболее тесно связанные с эмоциональным интеллектом матери (n = 60; p < 0,001)

Коэффициенты r в диапазоне 0,52–0,65 – это **сильные связи**. Они означают, что чем выше у матери межличностный и общий ЭИ, тем выше её способность оказывать ребёнку эмоциональную поддержку, воздействовать на его состояние и принимать себя в роли родителя. Наиболее сильная связь – между межличностным ЭИ и эмоциональной поддержкой (r = 0,649): способность понимать и управлять эмоциями других людей **непосредственно реализуется** в умении поддержать ребёнка. Это можно рассматривать как «перенос» эмоциональной компетентности из общей сферы общения в сферу детско-родительских отношений.

Обратим внимание на **асимметрию**: три «ядра» относятся к **поведенческим проявлениям** и **самоотношению** родителя, тогда как параметры чувствительности (восприятие состояния, сопереживание) и эмоционального принятия (безусловное принятие, чувства матери) связаны с ЭИ слабее. Это означает, что **эмоциональная компетентность матери проявляется прежде всего в действиях и в отношении к себе как к родителю**, а не в декларируемой эмпатии. Такой паттерн согласуется с результатами зарубежных исследований о том, что именно поведенческие стратегии эмоциональной социализации (поддержка, обсуждение эмоций) опосредуют связь между ЭИ родителя и развитием ребёнка [5].

Регрессионный анализ. Построены три иерархические модели с зависимой переменной «Что – почему – как». Их характеристики приведены в таблице 5.

Таблица 5

Характеристики регрессионных моделей
(зависимая переменная – «Что – почему – как»; n = 60)

Модель	Предикторы	R	R^2	R^2_adj	F	p
1	ВУ + возраст	0,683	0,466	0,447	F (2,57) = 24,86	< 0,001
2	Телесный контакт + возраст	0,689	0,475	0,457	F (2,57) = 25,78	< 0,001
3	ВУ + телесный контакт + возраст	0,739	0,545	0,521	F (3,56) = 22,40	< 0,001

Вклад отдельных предикторов в совместной модели 3 показан на рисунке 4, а полные коэффициенты – в таблице 6.

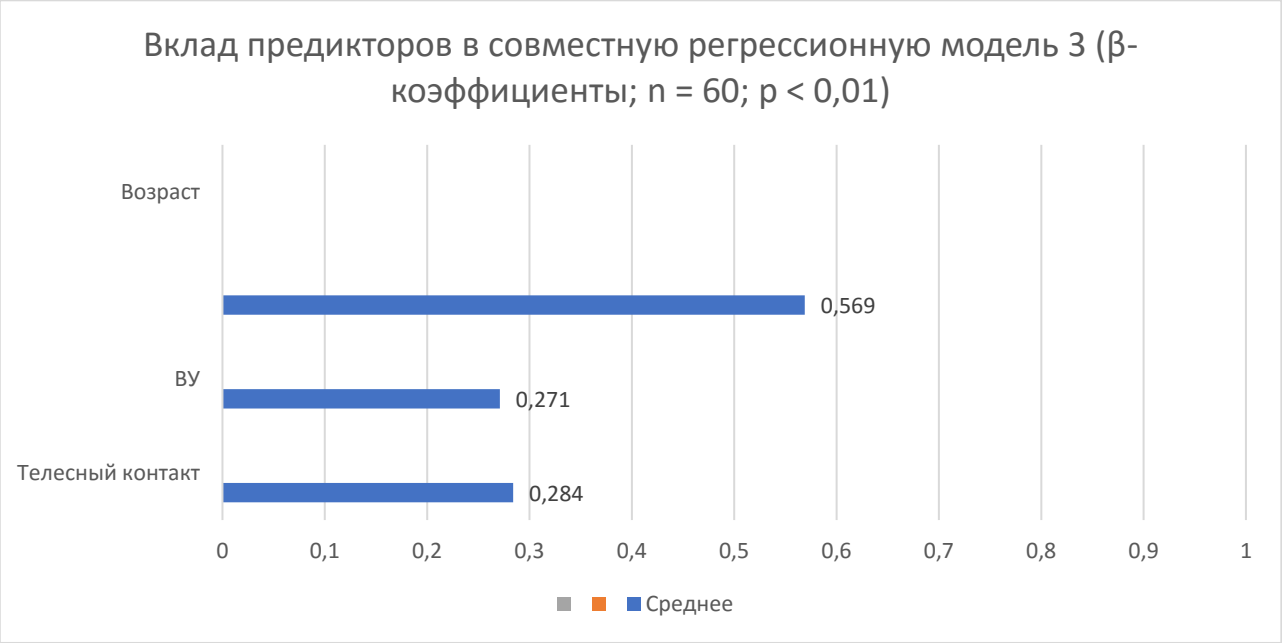

Рисунок 4. Вклад предикторов в совместную регрессионную модель 3 (β-коэффициенты; n = 60; p < 0,01)

Таблица 6

Коэффициенты регрессионных моделей (n = 60)

Модель	Предиктор	B	β	t	p
1	(Константа)	−1,778	–	−2,368	0,021
1	ВУ	0,115	0,298	3,038	0,004
1	возраст	0,694	0,567	5,776	< 0,001
2	(Константа)	−2,648	–	−2,911	0,005
2	телесный контакт	0,524	0,309	3,221	0,002
2	возраст	0,750	0,613	6,385	< 0,001
3	(Константа)	−3,644	–	−3,968	< 0,001
3	ВУ	0,104	0,271	2,948	0,005
3	телесный контакт	0,481	0,284	3,133	0,003
3	возраст	0,696	0,569	6,225	< 0,001

Интерпретация моделей. **Модель 1** (возраст + ВУ) объясняет 46,6 % дисперсии критериального показателя. Это означает, что **почти половина индивидуальных различий** в способности ребёнка учитывать состояние другого объясняется двумя переменными: возрастом и эмоциональной саморегуляцией матери. Оба предиктора значимы: возраст (β = 0,567) ожидаемо оказался сильнее – старшие дети набирают больше баллов за счёт общего когнитивного и социального развития. Однако **ВУ сохраняет значимый вклад даже после учёта возраста** (β = 0,298; p = 0,004): это означает, что способность матери управлять собственными эмоциями **не является простым следствием взросления ребёнка**, а вносит самостоятельный вклад.

Модель 2 (возраст + телесный контакт) объясняет 47,5 % дисперсии. Вклад телесного контакта (β = 0,309; p = 0,002) **сопоставим по силе с вкладом ВУ** в модели 1. Содержательно это означает, что **телесная доступность матери – такой же значимый канал влияния, как и её эмоциональная саморегуляция**. В дошкольном возрасте, когда речь ребёнка ещё не является основным средством регуляции, физический контакт может выполнять функцию «эмоционального якоря», через который ребёнок усваивает опыт соприсутствия и чувствительности к состоянию другого.

Модель 3 (возраст + ВУ + телесный контакт) объясняет **54,5 % дисперсии** (R^2 = 0,545; R^2_adj = 0,521). Все три предиктора остаются значимыми: возраст (β = 0,569), телесный контакт (β = 0,284), ВУ (β = 0,271). При добавлении телесного контакта к модели 1 прирост ΔR^2 = 0,079; при добавлении ВУ к модели 2 – ΔR^2 = 0,070. Оба прироста **сопоставимы по величине**, что подтверждает: два родительских предиктора **не поглощают друг друга**, а вносят независимый вклад. Отсутствие мультиколлинеарности (r между ВУ и телесным контактом = 0,096; VIF = 1,009 и 1,037) означает, что это **два разных механизма влияния**, а не проявления одного фактора.

Содержательно это можно представить так:

Первый механизм – наблюдаемое научение: ребёнок видит, как мать справляется со своими переживаниями, и усваивает модель эмоциональной устойчивости. Это работает не через объяснения, а через **поведенческую демонстрацию**.

Второй механизм – телесный опыт: физическая близость, прикосновения, «телесный контакт» обеспечивают ребёнку непосредственный опыт соприсутствия, на основе которого формируется чувствительность к состоянию другого. В дошкольном возрасте этот канал может быть **более значимым, чем вербализованная эмпатия или принятие**.

Интегральный показатель ЭИ ребёнка значимых корреляций ни с одной из родительских шкал не показал (все p > 0,13), поэтому в регрессионный анализ не включался. Это объясняется тем, что интегральный балл **аккумулирует три разнородных аспекта** ЭИ (эмоциональную ориентацию, просоциальную направленность и децентрацию), и специфический эффект родительского влияния, проявляющийся именно в способности учитывать состояние другого, **«размывается» при суммировании**. Поэтому в качестве зависимой переменной использована шкала «Что – почему – как», непосредственно измеряющая эту способность.

Обсуждение результатов.

ЭИ родителей выступает предиктором развития ЭИ детей, однако связь носит специфический характер – она обнаружена преимущественно по линии «эмоциональная саморегуляция родителя – эмоциональная децентрация ребёнка». Компоненты понимания эмоций и контроля экспрессии значимого вклада не показали. Это согласуется с логикой социального научения: для дошкольника наблюдение устойчивой саморегуляции взрослого более доступно и значимо, чем его способность вербально идентифицировать эмоции. Иными словами, **ребёнок учится не тому, что взрослый говорит об эмоциях, а тому, как взрослый с ними обращается**.

Из всех параметров эмоционального взаимодействия значимым предиктором выступил только телесный контакт. Его вклад сохраняется при добавлении показателя ЭИ родителя (β = 0,284; p = 0,003), что указывает на самостоятельную предикторную значимость, не сводимую к влиянию родительского ЭИ. В дошкольном возрасте телесная доступность родителя, по-видимому, оказывается **более значимым каналом, чем вербализованное принятие или осознанная эмпатия**. Это может объясняться тем, что телесный контакт – наиболее **непосредственная и не требующая рефлексии** форма эмоциональной связи, доступная ребёнку 4–6 лет.

Показатели ЭИ родителя значимо связаны с параметрами эмоционального отношения к ребёнку, но связь носит избирательный характер – наиболее тесно с ЭИ связаны поведенческие проявления и самоотношение родителя, тогда как параметры чувствительности и эмоционального принятия связаны слабее. Косвенные данные не поддерживают гипотезу о медиации: единственный значимый предиктор со стороны ОДРЭВ (телесный контакт) не связан с ЭИ родителя. ЭИ родителя и телесный контакт – **два независимых, параллельных пути влияния** на развитие ЭИ ребёнка.

Полученные результаты согласуются с современными данными о дифференцированной роли отдельных компонентов ЭИ родителя [1] и о значении поддерживающих стратегий эмоциональной социализации [3; 5]. Вместе с тем они уточняют эти данные применительно к дошкольному возрасту: вклад родительского ЭИ реализуется **не через понимание эмоций как таковое, а через поведенческие каналы** – саморегуляцию и телесную доступность. Это имеет практическое значение: программы развития ЭИ дошкольников должны включать не только когнитивные упражнения на распознавание эмоций, но и **работу с родительскими стратегиями саморегуляции и телесного контакта**.

Выводы

1. Эмоциональный интеллект родителей (прежде всего способность к управлению собственными эмоциями) выступает значимым предиктором способности ребёнка дошкольного возраста учитывать эмоциональное состояние другого человека. Вклад предиктора сохраняется при контроле возраста и не сводится к влиянию телесного контакта ($\beta = 0{,}271$; $p = 0{,}005$). Связь носит специфический характер: она обнаружена по линии «эмоциональная саморегуляция родителя – эмоциональная децентрация ребёнка», тогда как компоненты понимания эмоций значимой связи с критериальным показателем не показали.
2. Из параметров эмоционального взаимодействия значимым предиктором ЭИ ребёнка выступает только телесный контакт. Эта связь усиливается после контроля возраста ($\rho = 0{,}448$) и сохраняется в регрессионной модели при добавлении показателя ЭИ родителя ($\beta = 0{,}284$; $p = 0{,}003$). Параметры безусловного принятия, эмпатии, восприятия состояния ребёнка и эмоциональной поддержки значимых связей с критериальным показателем не обнаружили.
3. Показатели ЭИ родителя значимо связаны с параметрами родительского отношения: чем эмоционально компетентнее родитель, тем выше выраженность эмоциональной поддержки ($r = 0{,}649$), умения воздействовать на состояние ребёнка ($r = 0{,}616$) и принятия себя в роли родителя ($r = 0{,}517$). Однако опосредующая модель «ЭИ родителя → родительское отношение → ЭИ ребёнка» в данном исследовании статистически не проверялась. Косвенные данные не поддерживают гипотезу о медиации: единственный значимый предиктор со стороны ОДРЭВ (телесный контакт) не связан с ЭИ родителя.
4. Развитие способности дошкольника учитывать эмоциональное состояние другого связано с двумя относительно независимыми факторами родительского поведения: эмоциональной саморегуляцией матери (наблюдаемая модель управления переживаниями) и телесной доступностью. В дошкольном возрасте эти каналы – поведенческое моделирование и телесный контакт – оказываются более значимыми, чем формы эмпатии и эмоционального принятия.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке развивающих программ, ориентированных на развитие ЭИ дошкольников и повышение эмоциональной компетентности родителей.

Список литературы:

1. Иванова, К. А. Соотношение эмоционального интеллекта родителей старших дошкольников и особенностей детско-родительских отношений / К. А. Иванова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11. – № 2. – С. 29.

2. Психологические подходы к изучению взаимосвязи эмоционального интеллекта родителей и детей // Review of Pedagogical Research. – 2026. – Vol. 8 (3). – P. 45–53.

3. Черная, А. В. Стратегии реагирования родителей на негативные эмоции и эмпатические реакции детей дошкольного возраста / А. В. Черная, Ю. А. Маргунова // Российский психологический журнал. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 161–173.

4. Gnatuk, E. S. Emotional intelligence of parents and its connection with assertive behavior of preschool children / E. S. Gnatuk // Educational Social Network. – 2026.

5. Spinrad, T. L. Parental Socialization of Children's Emotion and Its Regulation / T. L. Spinrad, N. Eisenberg // Cambridge University Press. – 2023. – P. 166–186.

6. Исследование связи социально-эмоциональной адаптации детей 5 лет и эмоционального интеллекта их матерей // DergiPark. – 2024.

7. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – Москва: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.

8. Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн / Д. В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

9. Нгуен, М. А. Психологические предпосылки возникновения эмоционального интеллекта в старшем дошкольном возрасте / М. А. Нгуен // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 3. – С. 46–51.

10. Нгуен, М. А. Развитие эмоционального интеллекта / М. А. Нгуен // Дошкольное воспитание. – 2007. – № 5. – С. 80–87.